

УДК 39 (396)

ПОНЯТИЕ «НАСТОЯЩАЯ ЖЕНЩИНА» В ДАГЕСТАНСКОМ СОЗНАНИИ

М.Б. Гимбатова

Институт ИАЭ ДНЦ РАН, Махачкала

gimbatova@list.ru

Аннотация: В данной статье раскрывается понятие настоящая женщина, в связи с этим рассматривается ее роль и статус в традиционном дагестанском обществе, участие в общественной жизни, в образовании, в доступе к управлению, ее место в публичном пространстве социума, а также права и свободы в области семейного законодательства.

Abstract: The article deals with the concept of real woman, in this regard the author analyzes her role and status in the traditional Dagestan society, her participation in public life, education, access to management, her place in the public space of the society, and her rights and freedoms in the area of family law.

Ключевые слова: дагестанская женщина, семья, воспитание, традиционное общество, женское образование, семейное законодательство.

Keywords: Dagestan woman, family, education, traditional society, female education, family law.

Настоящая женщина в понимании дагестанцев – это не вымышленный образ, а вполне осязаемая, реальная женщина, которую не представляли иначе, как настоящую дочь, сестру, жену, мать. В духе настоящей женщины девочку воспитывали с ранних лет. Ее воспитанием занимались бабушка, мать, старшие сестры. С детства ей прививали такие качества, как терпение, скромность, ласковость, сдержанность, доброжелательность, заботливость, нежность, мягкость, уступчивость, но в то же время в ней вырабатывали активность, ответственность, уверенность.

Девочку рано приучали к труду. С 6–7 лет она помогала матери по хозяйству: мыла посуду, принимала участие в уборке дома, нянчила младших братьев и сестер, выполняла мелкие поручения. Постепенно девочку приобщали к более сложным трудовым процессам: стирать, чинить одежду, готовить пищу, выпекать хлеб, ходить за водой и т.д. В свободное от работы время её учили вышивать, прясть, ткать. Кумычки часто говорили своим дочерям: «*Эткенин мен учун, уйренгенин сенучун*» (Делаешь для меня, учишься для себя). Девочкам внушали, что приобретенные трудовые навыки обязательно пригодятся им в будущем.

Хозяйственность была основным качеством, которым обладало большинство дагестанских девушек. Уже к 13 годам девочка могла полностью заменить мать в хозяйстве. От того, насколько девочка была трудолюбива и чистоплотна, зависела ее дальнейшая семейная жизнь. Родители стремились как можно лучше готовить своих детей к самостоятельной жизни, именно в семье они получали все необходимое, что могло бы пригодиться им в будущем. По этому поводу у кумыков и ногайцев существует такое выражение: «*Уясыда не коьрсе, ушканда соны этер*» (Что увидел в семье, то и в полете совершит, т.е. повторит в жизни).

С самого раннего детства девочке внушали, что когда подойдет срок, она должна будет выйти замуж. Мать не могла представить будущее своей дочери вне брака. Это и понятно, ведь статус замужней женщины был высок, нежели у одинокой или разведенной женщины. Подтверждением данного тезиса служат выражения, бытующие у большинства дагестанских народов: «Женщина не замужем – все равно, что сирота», «Женщина без мужа, что птица без крыльев».

Девочки воспитывались в духе уважения к мужчине, особенно это проявлялось по отношению к отцу. Дочери слушались отца и не смели перечить ему. С таким же пиететом девушка относилась и к брату. Она должна была во всем его слушаться, даже если он был младше. «Пусть брат младше тебя, но шапка, которую он носит, все равно старше (выше) тебя», – объясняли ногайки своим дочерям. «*Шапка выше платка*» (кьяща хьумасер), – говорили лакцы.

Брат мог запретить ей делать то, что, по его мнению, не положено делать девушке. «У девочки язык высохнет, если она станет бранить своего брата», – говорили азербайджанки (Захаров А., 1894. С. 106). В свою очередь брат старался не обижать сестру, о чем свидетельствуют многочисленные пословицы, поговорки, притчи, отражающие взаимоотношения брата и сестры. «*Карындасын йылаткан – оьмирбойы йылар*» (Обидевший сестру век плакать будет), – предупреждали ногайцы (Гимбатова М., 2014. С. 105). «Чем совсем не иметь сестры, лучше иметь слепую», – говорили горцы Дагестана (Хиясова С., 2006. С. 279).

Любовь и преданность сестры к брату нашли отражение и в легендах. Приведем лишь одну из них: «Однажды хан приказал казнить мужа, сына и брата одной женщины. Она, бросившись к ногам хана, со слезами и воплем стала умолять о пощаде. Хан, тронутый ее слезами, обещал помиловать одного из трех осужденных к смерти, кого она захочет. Женщина попросила за брата.

– А почему ты не просишь за мужа или за сына? – спросил хан.

– Мужа я найду среди людей, сына – в утробе, а брата нигде не найду, – ответила она» (Захаров А., 1894. С. 106–107).

Жители с. Утамыш Каякентского района рассказывали, что в их селении женщина по имени Райганат, потерявшая брата, несколько лет не выходила на люди и в знак траура не носила обуви. Женщины вспоминают, что зимой ее потрескавшиеся ноги оставляли окровавленные следы на снегу, когда она с рассветом выходила за водой.

У дагестанских азербайджанок самой прочной клятвой считалась клятва братом. «*Клянусь головою моего брата*», – говорили они (Захаров А., 1894. С. 107), а у кумыков существовала даже клятва для девочек: «*Къардашымны башы булан ант этемен*» (Клянусь головой брата) (Гаджиева С.Ш., 1985. С. 139–140).

Сестра видела в брате свою опору и защиту, в случае смерти отца брат заменял его, беря на себя заботу о ней и защиту ее интересов.

Таким образом, с ранних лет начиналось целенаправленное, осмысленное, систематическое обучение девочки «женской» социальной роли, формирование у нее сознания и стереотипов поведения идеальной в народном понимании женщины.

Выйдя замуж, девушка знала о своих обязанностях как хозяйки дома, жены и матери. Ее роль в семье была весома и значима, она являлась вторым, после мужа, лицом в семье, была его первой советчицей и помощницей.

Жена во всем помогала мужу, поддерживала порядок в семье. У равнинных народов она вела домашнее хозяйство, воспитывала детей; у горцев, помимо домашних дел, выполняла сельскохозяйственные работы, помогая мужу в поле. Недаром в горах сложилась пословица, что жена – это столб дома, весь дом держится на ее плечах.

Доброе отношение к женщине являлось обязанностью каждого мусульманина. Пророк (с.а.с.) говорил: «То, что приводит мужчину к счастью, – это женщина». Известный мудрец Лукман Аль-Хаким сравнивал праведную жену с бесценными драгоценностями. Он говорил, что «она (праведная жена. – Авт.) – корона на голове царя. Жемчуг и другие драгоценности, цену которым не знает никто» (Наставления мудреца Лукмана Аль-Хакима, 2013).

Относиться с любовью и почтением к жене призывали и обычно-правовые нормы. В них записано: «Муж и жена должны жить в добром согласии и любви; жена повинуется мужу, а муж должен признавать ее как подругу, но не как рабыню» (Шихалиев Д.-М., 1993. С. 126). Когда известного ученого-арабиста М. Нурмагомедова через газету «Истина» (на авар. яз.) спросили: «Является ли жена рабой мужа?», то он ответил: «В исламской религии нет положения, ставящего женщину ниже мужчины, наоборот, пророк Магомед (с.а.с.) сказал: «Берегите мать» (Газета «Истина», 1993.).

Хорошую жену сравнивали с золотом, её боготворили и восхваляли. Так, у кумыков существует пословица: «*Эренлени баш насиби къатындыр*» (Основа счастья мужчины – жена), «*Къатынлар уьйню аркъа таяву*» (Жены – опоры дома), «*Къатыны оьлмеген адам къайгъы билмес*» (У кого не умерла жена, тот горя не познал), у ногайцев – «*Хатын – уьйдинъ шырагы*» (Жена – светоч дома), «*Яхшы хатын казна, яман хатын каза*» (Хорошая жена – богатство, плохая жена – беда), у дагестанских азербайджанцев – «*Йахшы гадынын кишиси бейе охшайыр, йаманын – палчыга басылыр*» (Муж у хорошей жены – будто князь, у плохой жены – втопан в грязь), у горцев – «*Жены и возвышают, и унижают своих мужей*».

О роли женщины в семье и в обществе свидетельствуют даже те пословицы и поговорки, которые изобличают женские пороки. Так, например, горцы говорят: «Муж, сваленный женой, не встанет», ногайцы – «*Яман пише ювыктан айыраp, яхшы пише ювык пан таныстыраp*» (Плохая

жена с родней разлучит, хорошая – с родней сблизит), кумыки – «*Яман арба ёл бузар, яман къатын уьй бузар*» (Плохая арба дорогу испортит, плохая жена – дом разрушит), дагестанские азербайджанцы, дагестанские терекеменцы – «*Гадынын элинэ йыхалан эв дюзелмез*» (Дом, разрушенный женщиной, не восстановится).

Многokrратно тиражируемые в дореволюционной и советской литературе утверждения о бесправном положении дагестанской женщины в семье не соответствуют действительности. На наш взгляд, достоверным является высказывание к-н. Хамзаева, которому удалось передать истинное положение женщины в семье. Вот что он пишет: «Взгляните на домашний быт кумыка. В нем женщина полная хозяйка. Это ее арена, ее область, в которую никто не вмешивается. Она считает долгом повиноваться воле мужа; с малолетства внушали ей это родители и наставления их глубоко врезались ей в память, а исполнять их помогало осознанное уважение к мужу. Муж со своей стороны считает большим для себя стыдом подвергать жену тяжелым работам. Нередко случается, что жена имеет умственный перевес над мужем, тогда роли меняются, но считается великим пороком высказывать это перед посторонними людьми, и жена всячески старается скрыть слабости мужчины. При таких условиях может быть деспотизм и рабство?» (Хамзаев, 1895).

Особое положение в семье женщина занимала и у горцев. Известный дагестанский этнограф А.И. Исламмагомедов писал: «Известно, что горец в быту, в кругу семьи бывал внимателен и приветлив с женой. Женщина в домашнем хозяйстве занимала достаточно самостоятельное положение, все в семье делалось сообща и в согласии» (Исламмагомедов А., 2002. С. 267).

Женщину уважали и ценили в семье, в горах Дагестана ее сравнивали с лампадой, горящей на почетном месте. С особым почтением к ней относились дети. У кумыков говорили: «*Ананы абурламаган онгмас*» (Не почитающий мать ничего не добьется), у ногайцев – «*Атасы йок – ярты етим, анасы йок – керти етим*» (Не имеющий отца на половину сирота, не имеющий матери – круглый сирота), «*Ата – ездей, ана казна*» (Отец – медь, а мать – сокровище), дагестанские азербайджанцы – «*На истесёв иля, ананун хейрины хеч бир щей авазь елемэз*» (Делай, что хочешь, а мать ничто и никто не заменит).

О высоком положении женщины свидетельствует и тот факт, что в ряде горных обществ Аварии (Гидатль, Кель, Ругуджа и др.) существовала практика называть взрослых детей по имени матери – «сын Хаджат», «дочь Патимат». Некоторые фамилии аварцев также образованы от имени матерей или знатных женщин. Таковы Убейдатовы (от женского имени Убейдат), Асиятиловы (от имени Асият) и др. (Гаджиева С., 1985. С. 111).

Уважительного отношения к матери требовал и ислам, в одном из хадисов говорится: «Один человек спросил Пророка (с.а.с.), кто из его ближайших родственников имеет самые большие права на него. Пророк (с.а.с.) ответил: твоя мама. Человек спросил: а кто еще? Пророк (с.а.с.) ответил: твоя мама. Но кто все-таки потом? – спросил человек. И лишь на четвертый раз Пророк (с.а.с.) ответил: а вот теперь, твой отец» (Хадис от Абу Хурейра Бухари и Муслим, 2012). И вообще, проявление уважения к родителям – одно из настоятельных требований исламской религии. Так, в хадисе от Абу Бакра Сахих аль-Бухари сказано: «Наиболее тяжкими грехами являются многобожие и непочтительность по отношению к родителям» (Хадис от Абу Хурейра Бухари и Муслим, 2012). В хадисе от Абу Хурейра Бухари и Муслим мы находим следующие слова: «Позор тому, кто оставит родителей в старости. Он не войдет в рай» (Хадис от Абу Хурейра Бухари и Муслим, 2012).

Жена, как и глава семьи, имела всю полноту власти и пользовалась авторитетом и вниманием со стороны членов семьи. Авторитет ее мнения в хозяйственно-бытовых вопросах был фактически непререкаем, она обладала значительной властью над детьми. При решении вопроса о выдаче дочерей замуж и женитьбы сыновей решающее слово принадлежало матери, особенно весомо было слово бабушки – матери отца. Официальное решение принимал отец, все объявлялось от его имени, но предварительно все вопросы обсуждались и согласовывались с женой. Кроме того, она, как и отец, обладала неограниченной властью над детьми, особенно над дочерьми.

Определенное место женщина занимала и в обществе. Несмотря на то, что женщина не принимала участия в общественных собраниях, она являлась полноправным членом сельской общины. В некоторых в горных обществах Дагестана уважаемым женщинам все же дозволялось посетить общинное собрание (Исламмагомедов А., 2002. С. 353). Подобное уважение к женщине в горах, видимо, в первую очередь следует объяснить ее хозяйственной ролью, как в семье, так и в обществе, значением в воспитании детей – членов общины (Исламмагомедов А., 2002. С. 268). Правом посетить мужское собрание, в виде исключения, могли воспользоваться и ногайки преклонного возраста, известные в округе своим умом (Калмыков И., Керейтов Р., Сикалиев А.,

1988. С. 151). Данное явление в общественной жизни ногайцев можно отнести к отголоскам кочевого мира, в котором женщина обладала определенными правами и свободами. В отсутствие мужчин они полностью управляли домашним хозяйством и даже руководили аулами. Немало примеров того, когда степная политика в значительной степени определялась присутствием в ней женщин. Влияние женщин на мужчин подчеркивает и Табари, в частности, он писал: «У тюрков всего можно добиться через женщину» (*Гумилев Л.*, 2002. С. 375).

На принятие коллективных решений могли повлиять пожилые вдовы у кумыков, дагестанских азербайджанцев и дагестанских терекеменцев. Хотя они и не посещали общинные собрания, но могли выразить свое мнение по тому или иному вопросу через старшего сына, который представлял интересы семьи на сельском сходе.

Несмотря на то, что женщина была отстранена от общинного управления, ее жизнь, права и свободы защищались и охранялись обществом, хотя и существовали некоторые ограничения. Так, например, в виду ограничения представительских возможностей женщины, ее интересы в суде представлял мужчина (муж, отец, брат, опекун). Адаты Кайтаго-Табасаранского округа гласят: «Жалобу имеет право предъявить только потерпевший, а также муж за жену, отец за несовершеннолетних детей своих, опекун за опекаемых» (Адаты Дагестанской области и Закатальского округа, 1899. С. 609).

Свидетельствование женщины допускалось лишь по шариату. «Женщины допускались по шариату в свидетели за одного мужчину, т.е. из двух женщин составляется один свидетель, а другой должен быть непременно мужчина» (*Шихалиев Д.-М.*, 1993. С. 124), при этом необходимо было получить согласие мужа или отца. Лишь по делам о браке и разводе жены могли давать присягу, не спрашивая мужа (*Торнау Н.*, 1850. С. 364). По шариату принимались также свидетельства одних женщин при показаниях о рождении кого-либо, о недостатках женщин, о признаках совершеннолетия их и о родстве по кормилице (*Торнау Н.*, 1850. С. 435). Не принимались по шариату свидетельские показания лишь женщин моложе 16 лет (*Шихалиев Д.-М.*, 1993. С. 125).

Более всего народные обычаи защищали имущественные права женщин. Еще до вступления в брак «все подарки, сделанные невесте женихом, переходили в ее собственность» (*Оразаев Г.*, 2009. С. 143). Если же невеста или ее родственники отказывали жениху после сватовства, то они обязаны были вернуть все подарки обратно в двойном количестве (*Оразаев Г.*, 2009. С. 143). Если от заключения брака отказывался жених, то подарки, присланные невесте, жениху не возвращались (*Оразаев Г.*, 2009. С. 143).

Своим собственным имуществом женщина обзаводилась, лишь выйдя замуж. Хотя в браке этим имуществом распоряжался муж, тем не менее, и она, и все остальные знали, что это ее собственность. Так, в адатах кумыков четко прописано: «Имущество, принадлежащее жене, неприкосновенно; без ее согласия муж не имеет права им распоряжаться» (*Леонтович Р.*, 1883. С. 200). Если муж посягал на личную собственность жены, то она имела право обратиться за помощью к родителям, а они, в свою очередь, – в суд (*Леонтович Р.*, 1883. С. 200).

В собственность жены переходили и те подарки, которые она получила во время свадьбы от родственников жениха и гостей. Это мог быть скот, фруктовые деревья, как это практиковалось у кайтагских и цудахарских даргинцев. Приплод от скота и доход с фруктовых деревьев являлись собственностью жены. Помимо подарков, приданого, кебинных денег, к имуществу женщины присоединялось также то, что она заработала отдельно от мужа в период совместной жизни. В отношении же имущества, приобретенного совместно с мужем не на свои средства, существовали разночтения: по адату такое имущество считалось мужниным, а по шариату – обоих супругов вместе.

В горах Дагестана нередко можно было встретить участки земли, принадлежавшие женщинам, за которым закреплялись их имена. Все это свидетельствует о том, что женщина как владелица недвижимости в Нагорном Дагестане реально конкурировала с мужчинами. Ее права были освящены традицией, которая весьма решительно отступала от общепринятых норм обычного права. В этом можно видеть то особенное положение женщины, которое она занимала в горах Дагестана и в связи с ее исключительно важной ролью в сельскохозяйственном производстве, и в связи с ее статусом в семье (*Рагимова Б.*, 2001. С. 83–84).

Имущественные права женщин защищались и шариатом. Известный исламовед И.П. Петрушевский отмечает: «Шариат обязывает жену повиноваться мужу. Но власть мужа распространяется только на личность жены, а не на ее имущество. Муж не имеет право распоряжаться имуществом жены» (*Петрушевский И.*, 1966. С. 175).

Женщина, оказавшаяся в затруднительной жизненной ситуации, могла искать помощи

и защиты у общества. Так, например, если в случае истязаний со стороны мужа и ненадлежащем материальном содержании, женщина могла искать защиту у местного кадия, который обязан был защитить ее права. В адатах жителей Ставропольской губернии, касающихся супружеских отношений, говорится: «В случае жалобы жены за неправильное ее содержание или напрасные истязания, кадий обязан защищать ее и доставить должное удовлетворение с содействия местного начальства» (*Шихалиев Д.-М.*, 1993. С. 127).

Права женщины защищались и охранялись адатами и шариатом и в правах наследования. Вообще, вопросы наследования в шариате и адатах считаются самыми разработанными. Так, согласно народным обычаям кочевых мусульман Ставропольской губернии, «после смерти кого-либо имение делится между наследниками под наблюдением кадия. Если после умершего остаются отец, мать, жена и дети, в таком случае из имения выделяется отцу шестая часть, матери – шестая, жене – восьмая, а все остальное – детям» (*Шихалиев Д.-М.*, 1993. С. 132–133).

По адату, наследование имущества женщинами исключалось, правда, дочери в исключительных случаях могли получить долю несовершеннолетних детей. Наследниками были только сыновья; один из них, чаще младший брат, брал на попечение мать, незамужних сестер и несовершеннолетних братьев, старшему брату доставалась добавочная доля за его первенство (*Дмитриев Д.*, 2006. С. 87). Из этого следует, что, по адату, ни жена, ни дети покойного не оставались без попечения и средств к существованию.

На страже наследственных прав женщин адаты стояли и в том случае, когда у супружеской пары не было совместных детей. В адатах кумыков сказано: «Когда после смерти мужа, от которого не останется детей, жена пожелает возвратиться к своим родственникам, то свекор, при котором супруги жили по совершении брака, обязан как по адату, так и по шариату бесспорно отдать ей все то, что она получила при сватовстве (альхам), да и после свадьбы (калым), хотя бы таковые были ей даны свекром, а также ее собственное приданое» (*Оразаев Г.*, 2009. С. 145).

Шариат в этом отношении четко определяет долю наследства для вдовы, у которой не было детей. В нем записано: «Если умирает, не оставив потомства, муж, жена получает $\frac{1}{4}$ его наследства, а остальное отходит к другим наследникам» (*Керимов Г.*, 2008. С. 208).

По шариату, женщина, как и мужчина, имела наследственную долю. Шариату удалось вытеснить наследственное право из сферы обычного права, по которому женщина устранилась от наследования, и имущество умершего доставалось лишь родственникам мужского пола. В Коране наследственные права женщин всех ступеней родства обозначены предельно ясно, как и сами доли наследства. Мужская доля наследства равнялась доле двух лиц женского пола. И это обстоятельство являлось революционным преобразованием в сфере наследственного права мусульман (*Рагимова Б.*, 2001. С. 80).

Таким образом, женщина обладала таким же правом на наследственную долю, что и мужчина, её наследственное право строго охранялось шариатом, который в вопросах защиты имущественных прав женщин намного опередил не только западноевропейское феодальное право, но и позднее буржуазное законодательство.

Адаты высоко ценили жизнь женщины, ее убийство считалось самым постыдным поступком. В адатах кумыков, записанных Р.И. Леонтовичем, сказано, что «за убийство женщины полагается двойное канлы, т.е. за убитую женщину месть падает на убийцу и ближайшего родственника и оба они канлы» (*Леонтович Р.*, 1883. С. 212).

За убийство мужем жены безвинно с родственников мужа взыскивалась семерная пеня, а сам убийца с 6 ближайшими родственниками изгонялся из селения как кровный враг и не возвращался до тех пор, пока не простят его наследники убитой им жены (*Сборник адатов шамхальства Тарковского и ханства Мехтулинского*, 2007. С. 242).

Женщине позволялось безнаказанно убить мужчину лишь в том случае, когда она подвергалась нападению с его стороны с целью оскорбления или изнасилования. «За прикосновение мужчины с прелюбодейной целью к жене постороннего, – сказано в адатах шамхальства Тарковского и ханства Мехтулинского, – последняя имеет право убить его тем оружием, какое найдется вблизи ее. Такое смертоубийство считается безвозмездным, и всякая женщина по адату за подобный поступок мужчины имеет право убить его за оскорбление ее чести» (*Сборник адатов шамхальства Тарковского и ханства Мехтулинского*, 2007. С. 243). В остальных случаях женщина несла такую уголовную ответственность за совершенное преступление, что и мужчина. Так, в одном из адатов сказано: «В убийстве женщины женщиной же, с последнею поступается точно так же, как и с мужчиной, т.е. убийца выходит в канлы» (*Леонтович Р.*, 1883. С. 212). Почти все дагестанские адаты совершенно точно определяли меру

ответственности за убийство, но ни в одном из них не сказано о разграничении ответственности для мужчины и для женщины.

Не освобождалась женщина и от наказания в случае прелюбодеяния, наравне с мужчиной она подвергалась убийству. Адат и шариат одинаково считали прелюбодеяние одним из самых серьезных преступлений. И по адату, и по шариату, за прелюбодеяние полагалось побиение камнями до смерти.

Одним из тяжких видов преступления считалось изнасилование женщины или девушки. За это родственники потерпевшей могли преследовать и убить насильника. Если преступника убивали прежде, чем он успеет добиться маслаата и свидания с родными изнасилованной, то родственника совершившего возмездие высылали в канлы на шесть месяцев (*Алибеков М.*, 1927 С. 22). Если же насильника не убивали, то он должен был выполнить по отношению к обиженному все обряды, как канлы, при чем водил мужу, ее отцу, старшему и младшему брату по одной неоседланной лошади (*Леонтович Р.*, 1883. С. 23).

Преследовались законом и насильники вдов и замужних женщин. «За изнасилование вдовы с виновного взыскивается штраф – три штуки рогатого скота», – сказано в адатах (*Леонтович Р.*, 1883. С. 552).

Следует отметить, что адаты об изнасиловании, насильственном увозе женщин и об их оскорблении превалировали в сборниках адатов и были тщательно разработаны. «Женщина считается неприкосновенной для постороннего мужчины; последний не имеет права даже дотронуться до нее», – говорится в дагестанских адатах (*Леонтович Р.*, 1883. С. 284) и шариате.

Вообще, перечень правонарушений, за которые женщина подвергалась взысканиям, был достаточно внушительным. Она подвергалась взысканиям со стороны сельского общества за затеянную ссору и драку, за бранные и порочащие слова, за сводничество, нарушение взятых обязательств, за нанесение телесных повреждений, за безнравственное поведение, за прерывание беременности, за подстрекательство к кровной мести и т.п. (*Рагимова Б.*, 2001. С. 104.). Правда, в некоторых обществах адаты были несколько благосклонны к женщине. Так, в Ухнадальском наибстве Гунибского округа в драке между женщиной и женщиной учитывалось, кто первым нанес удар, если «женщина прежде ударит мужчину, то с нее взыскивают две овцы, а если мужчина прежде ударит женщину, с того взыскивается шесть овец» (Из истории права народов Дагестана, 1968. С.65). В с. Кудали того же округа мужчина, ударивший первым, платил значительно больше женщины, ударившей первой, – по 3 рубля и по 50 копеек соответственно (Адаты Дагестанской области и Закатальского округа, 1899. С.294). В с. Согратль при драке между женщиной и мужчиной с последнего взыскивалось в пользу первой 20 рублей (Адаты Дагестанской области и Закатальского округа, 1899. С. 294). О величине штрафа в пользу женщины можно судить по следующим фактам. В этом же селении за драку между мужчинами с каждого взыскивалось по 20 коп., за драку между женщинами – по 2 рубля (Адаты Дагестанской области и Закатальского округа, 1899. С.294) .

В отношении правовой ответственности за многие правонарушения женщина несла такую же ответственность, что и мужчина, особенно если это касалось прелюбодеяния и убийства, если только оно не было совершено в целях самообороны. Следует отметить, что, по адатам, женщина отвечала за преступления, совершенные лично ею, но никак за правонарушения членов семьи. Кроме того, женщина не привлекалась за долги, она не подвергалась кровомщению и, при определенных обстоятельствах, могла требовать развода, а ее личное имущество считалось неприкосновенным.

Права женщин расширяли и нормы шариата. Так, по шариату, женщина могла выступать в суде в качестве свидетеля, она имела права на наследственную долю, при заключении брака спрашивалось её согласие и т.д., то что не предусматривали нормы обычного права (адаты).

Таким образом, обращаясь к тезису М.М. Ковалевского о том, что «сокращая юридическую правоспособность женщины, закон принимает под свою защиту ее честь и имущество», можно со всей очевидностью констатировать, что именно защита чести женщины являлась одним из существенных составляющих адатного законодательства Дагестана (*Рагимова Б.*, 2001. С. 110).

Большую роль женщина играла и в вопросе прекращения кровной мести. Убийца мог быть по-настоящему прощен, если его прощала мать убитого. Еще А.В. Комаров отмечал, что труднее всего уговорить к примирению женщин, особенно мать убитого (*Комаров А.*, 1868. С. 33). У большинства народов Дагестана кровник первым долгом должен был попросить прощения у матери, подойдя к ней на четвереньках, стоя на коленях. Мать убитого дотрагивалась до волос убийцы и произносила: «Прощаю», только после этого виновного прощали все остальные родственники. У лакцев, кроме всего, мать должна была «пропустить через рубашку» убийцу. Это

означало, что она его «рожает» и он как бы становится ей сыном. Схожий обычай существовал и у салатавских аварцев (с. Гуни). У них во время примирения мать убитого давала убийце пососать грудь; это означало, что она как бы усыновляет кровника (*Гаджиева С.*, 1985. С. 324). Один и другой варианты подразумевали установление молочного родства, усыновление потерпевшей стороной своего врага – акт предельно выразительный в плане характеристики личных качеств и ответственности женщины (*Карнов Ю.*, 2001. С. 287).

Общество требовало от мужчин уважительного отношения к женщине. В обязанность мужчины вменялось заботиться о женщине и защищать ее от обид. Плохое обращение с женщиной и, тем более, нанесение ей оскорблений или побоев, считалось позором. Доброта, воспитанность и гуманность к женщине выступали как общепринятые нравственные нормы, и они были характерны для горцев Дагестана (*Исламмагомедов А.*, 2002. С. 267–268).

Кроме того, общество не препятствовало и женскому образованию. В традиционном дагестанском обществе образование было практически всеобщим и доступным как для мальчиков, так и для девочек; считалось, что уметь читать Коран необходимо каждому мусульманину, в том числе и женщине. О необходимости обучения женщин, их воспитания и образования говорил и пророк Мухаммад (с.а.с.). Каждый родитель считал своим долгом дать хотя бы начальное образование ребенку, будь то мальчик или девочка, обучить его чтению и письму на арабском языке. Кроме того, нельзя забывать и о том, что Дагестан издревле являлся одним из центров распространения арабских знаний и письменности, здесь высоко ценили и почитали образованных людей. (*Мусаева М.К.*, URL: <http://www.science-education.ru/102-5723>). Во многом этими причинами и объясняется феномен всеобщей образованности в Дагестане. Таким образом, один из популярных политических лозунгов большевиков о бесплатном и всеобщем образовании был претворен задолго до установления советской власти в Дагестане.

О внимании к женскому образованию свидетельствуют и следующие факты. Так, 1 июля 1859 г. в Темир-Хан-Шуре была создана первая частная женская школа (частный пансион), которая просуществовала до 1875 года и была закрыта с созданием в городе мужской и женской прогимназии (*Козубский Е.*, 1902. С. 8–9). В пансионе с шестилетним курсом обучения преподавались в объеме уездных училищ закон божий, русский и французский языки, арифметика, география, история, танцы, чистописание и рукоделие (Школьное образование в Дагестане, 1968. С. 54). В это же время, 24 мая 1861 г., в Темир-Хан-Шуре по инициативе супруги первого начальника Дагестанской области А.М. Меликовой была открыта школа для бедных девиц всех сословий. В школу принимались девочки не моложе 8 и не старше 12 лет. Курс обучения был трехлетним, предметы обучения – закон божий, письмо и чтение, первые 4 действия арифметики, рукоделие и домашнее хозяйство: приготовление пищи, печенье хлеба, стирка белья и проч. (*Козубский Е.*, 1894. С. 60–61). Число учениц этой школы из года в год росло, в 1875 г. в школе обучалось 50 учениц, в 1888г. – 79 (Школьное образование в Дагестане, 1968. С. 54–55).

7 апреля 1864 г. по инициативе Е.Г. Джемарджидзе, супруги градоначальника, подобная женская школа с пансионом была открыта и в Дербенте. Учебное заведение преследовало следующую цель: «приготовить в училище девиц для той жизни, из среды которой они взяты; образовать из них добрых жен и хороших матерей, приучить их к полезному труду, к рукоделиям, к домашнему хозяйству и порядку, внушить хорошие правила нравственности и обучить их грамоте» (*Козубский Е.*, 1906. С. 270).

9 марта 1873 г. дербентский пансион для девиц был преобразован в открытую школу для приходящих девиц всех сословий, со сроком обучения четыре года.

Отличительной особенностью женского образования являлось то, что оно было направлено на получение общих знаний, расширение кругозора и подготовку к будущей семейной жизни.

Самые способные гимназистки после окончания гимназии продолжали обучение в высших учебных заведениях. Так, 25 выпускниц Темир-Хан-Шуриной прогимназии в 1888 году поступили в гимназии других городов (Школьное образование в Дагестане, 1968. С. 55).

Среди дагестанских женщин были и такие, которые получили высшее образование. Об этом свидетельствуют записи А. Захарова. В частности, он писал: «У меня есть знакомый татарин (азербайджанец. – Авт.), человек интеллигентный, получивший высшее образование. Жена его – женщина образованная, окончившая институт с золотой медалью. Дочь их воспитывается в Тифлисе, в институте» (*Захаров А.*, 1894. С. 146).

И все же большинство дагестанских женщин ограничивались обучением в мектебах и медресе. И даже несмотря на это, они являлись довольно образованными для своего времени. Так, например, уроженка с. Нижнее Казанище Патимат (Фатима) Гусейнова (год рождения неизвестен,

умерла в возрасте 24–25 лет от роду, в начале 20-х гг. прошлого столетия) прекрасно знала арабский язык, великолепно владела рядом религиозных наук, писала собственные стихотворения на кумыкском и арабском языках (*Оразаев Г., Шихалиев Ш., 2014. С. 68*).

В 1894 году в Дагестанской области функционировало 724 светской школы, где обучалось 5091 человек, из них 646 девочек (*Школьное образование в Дагестане, 1968. С. 12*), в 1913 г. их насчитывалось уже 766 с числом учащихся в них 6727 человек, в том числе мальчиков – 6014 и девочек – 713 (*Обзор Дагестанской области за 1913 г., 1915. С. 60*). Не считая арабских школ, которых, по сведениям А. Тахо-Годи, до революции в Дагестане насчитывалось около 10 тыс., в том числе 2311 зарегистрированных (*Просвещение национальностей, 1934. 49*).

По количеству школ Дагестан занимал одно из ведущих мест на Кавказе. Известный лингвист и этнограф XIX в. П.К. Услар писал: «Если об образовании народа судить по соразмерности числа школ с массой народонаселения, то дагестанские горцы в этом отношении опередили даже многие европейские нации» (*Обзор Дагестанской области за 1899 г., 1900. С. 162–163*). Таким образом, мы считаем несостоятельными суждения о том, что народы Дагестана до революции были малограмотными, а женское население – необразованным. Равно как и те, что представляли дагестанскую женщину бесправным и забытым домашним бытом существом.

Заключая вышеизложенное, можно утверждать, что у дагестанской женщины была и есть своя, ничем незаменимая специфическая роль в семье и обществе. Она характеризуется дуалистичностью. И если при одних жизненных обстоятельствах ее положение было вторичным и подчиненным, то при других – она играла весьма значительную социальную роль как в своем доме, так и в рамках всего общества. Это варьирование было обусловлено, прежде всего, культурой жизнеобеспечения. Там, где доля женского труда в обеспечении семьи всем необходимым была велика, положение женщины в обществе было высоким; где женский труд был ограничен лишь работами по дому, положение женщины было подчиненным, но не приниженным. Несмотря на все многообразие культурных традиций, женщина в традиционных социумах народов Дагестана занимала почетное положение.

ЛИТЕРАТУРА

- Адаты Дагестанской области и Закатальского округа / Сост. И.Я. Сандрыгаило. Тифлис: Тип. канцелярии глав. нач. гр.ч. на Кавказе, 1899. – 626 с.
- Адаты ханств под российским протекторатом: Кодексы Тарковского шамхальства и Мехтулинского ханства (введение и комментарии Г.М.-Р. Оразаева) // Обычай и закон в письменных памятниках Дагестана V – начала XX в. Т. II / Сост., отв. ред. В.О. Бобровников. М.: Изд. дом Марджани, 2009. С. 118-201.
- Алибеков М.* Адаты кумыков. Махачкала, 1927. - 22 с.
- Гаджиева С.Ш.* Семья и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX в. М.: Наука, 1985.-358с.
- Гаджиева С.Ш.* Кумыки: историческое прошлое, культура и быт. Кн. 2. Махачкала: Даг. кн. изд-во., 2005. – 436 с.
- Газета «Истина», № 185 от 18.02.1993 г.
- Гимбатова М.Б.* Мужчина и женщина в традиционной культуре тюркоязычных народов Дагестана. XIX – начало XX в. Махачкала: ИД «Эпоха», 2014. – 392 с.
- Гумилев Л.Н.* Древние тюрки. История образования и расцвета Великого тюркского каганата (VI–VII вв. н.э.). М.: Кристалл, 2002. – 576 с.
- Дмитриев В.А.* Адаты и шариат у кавказских горцев // Кавказ и Россия – прошлое и настоящее. История, обычаи, религия. СПб., 2006. С. 78–112.
- Захаров А.* Домашний и социальный быт женщин у закавказских татар // СМОМПК. Вып. XX. Тифлис, 1894.С. 91-157.
- Из истории права народов Дагестана, 1968.
- Исламмагомедов А.И.* Аварцы. Историко-этнографическое исследование. (XVIII – нач. XXв.). Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН, 2002. – 442 с.
- Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И.-М.* Ногайцы. Историко-этнографический очерк. Черкесск: Карачаево-Черкесское отд. Ставропольского кн. изд-ва, 1988. – 232 с.
- Карпов Ю.Ю.* Женское пространство в культуре народов Кавказа. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001. - 416 с.
- Керимов Г.М.* Шариат: Закон жизни мусульман. Ответы шариата на проблемы современности. М.-СПб.: Диля, 2008. – 512 с.
- Козубский Е.И.* Очерк истории города Темир-Хан-Шуры // СМОМПК. Вып. 19. Тифлис, 1894. С. 45–86.
- Козубский Е.И.* К истории народного образования в Дагестанской области в первое десятилетие // Дагестанский сборник. Вып. 1. Темир-Хан-Шура: Русская типография В.М. Сорокина, 1902. –443 с.
- Козубский Е.И.* История города Дербента. Темир-Хан-Шура: Русская типография В.М. Сорокина, 1906. – 468 с.
- Комаров А.В.* Адаты и судопроизводство по ним // ССКГ. 1868. Вып. 1. С. 1–80.
- Леонтович Р.И.* Адаты кавказских горцев. Одесса, 1883. Т. 2. – 396 с.
- Мусаева М.К.* Социализация детей и образовательный процесс в дореволюционном Дагестане // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – №2; URL: <http://www.science-education.ru/102-5723> (дата обращения: 11.03.2012).
- Наставления мудреца Лукмана Аль-Хакима // Мусульманский календарь за 2013 год. (22 апреля 2013 год). Состав. М.М. Омаров. Кострома, 2012.
- Обзор Дагестанской области за 1899 год. Темир-Хан-Шура, 1900.
- Обзор Дагестанской области за 1913 г. Темир-Хан-Шура, 1915.
- Оразаев Г.М.-Р., Шихалиев Ш.Ш.* Письмо Фатимы, дочери шейха Хаджи Арслан' Али из Нижнего Казанища // Вестник ИИАЭ. 2014. 1(37). С. 68–71.
- Петрушевский И.П.* Ислам в Иране в VII–XV вв. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1966. – 398 с.
- Просвещение национальностей. 1934. № 3.
- Рагимова Б.Р.* Женщина в традиционном дагестанском обществе XIX – начала XX в. (роль и место в семейной и общественной жизни). Махачкала, 2001. – 158 с.
- Сборник адатов шамхальства Тарковского и ханства Мехтулинского // Законы вольных обществ Дагестана XVII–XIXвв.: Архивные материалы / Сост., пердисл., примеч. Х.-М. Хашаева; Отв. ред. Г.-А. Даниялов. Махачкала: ИД Эпоха, 2007. С. 89–97.

Торнау Н. Изложение начал мусульманского законовещения. СПб.: Тип. 2 Отд. собств. е. и. в. канцелярии, 1850. – 652 с.

Хиясова С.Г. Духовно-нравственное воспитание на основах традиционной морали народов Дагестана // Вопросы дагестанской культурологии и религиоведения. Сб. научных статей. Махачкала, 2006. С. 27–290.

Хадис от Абу Хурейра Бухари и Муслим // Мусульманский календарь за 2013 год. (31 августа 2013 год). Состав. М.М. Омаров. Кострома, 2012.

Х-ъ, кн. Кое-что о кумыках // Кавказ. 1865. №№ 68-70.

Шихалиев Д.-М. М. Рассказ кумыка о кумыках. Приложение. Народные юридические обычаи у кочевых мусульман Ставропольской губернии. Махачкала, 1993. (Перепеч.: Кавказ. 1848. №№33–34).

Школьное образование в Дагестане / Под ред. Г.Ш. Каймарзова. Махачкала: Дагучпедгиз, 1968. – 267 с